

Лесное хозяйство, экономическое развитие и биоразнообразии:

отказаться от мифов прошлого

Е. А. Шварц,
WWF России

Является ли процент использования расчетной лесосеки индикатором эффективности лесного хозяйства ?

В современном мире доминирующие позиции завоевал экосистемный подход к лесам, но многие российские управленцы до сих пор в основном идут «от древесины». В официальных документах и заявлениях явно прослеживается твердая уверенность в том, что если деревья не рубить, то они будут «гнить и распространять вредителей, заражая здоровые леса». Даже А. С. Беляков, председатель Комитета по природным ресурсам и природопользованию Государственной Думы, убежден в том, что для того, чтобы лес не болел и нормально рос, его нужно просто больше пилить.

Непонятно только, каким образом богатым лесом европейским странам (прежде всего скандинавским), более 10 лет назад отказавшимся от подобных методов «сохранения» лесных ресурсов, удалось за эти годы значительно повысить эффективность лесного сектора экономики.

© WWF России / Виктор ЖИВОТЧЕНКО

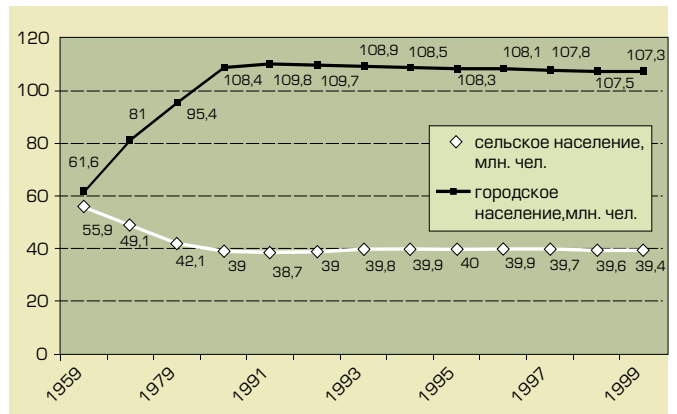
На состоявшихся в феврале 2003 года парламентских слушаниях «Экологические проблемы лесов Российской Федерации» позиция отраслевого органа — Лесной службы МПР — была ярко выражена в выступлениях ее представителей. Главным источником экологических проблем лесного хозяйства России называлось то, что лес мало рубят, **а индикатор этого «безобразия» — продолжающаяся тенденция снижения нормативного использования лесосечного фонда: 2000 год — 23,6 %, 2001 год — 22 %, по предварительной оценке в 2002 году — менее 21 % (меньше, чем в наиболее «провальном» 1997 году).** Именно поэтому необходимо остановиться

Таблица 1. Лесные ресурсы стран с развитой лесной промышленностью (данные 1998 г.)

Показатели, ед. измерения	Россия	США	Канада	Швеция	Финляндия
Лесопокрытая площадь, млн га	718,7	209,6	247,2	24,4	19,9
Площадь лесов на душу населения, га/чел.	5,18	0,84	9,32	2,85	4,03
Эксплуатационные леса, млн/га	388,5	195,6	112,1	22,0	19,5
Запасы древесины в эксплуатационных лесах, млн/м ³	47594	23092	14855	2471	1679
Вывозка древесины, млн/м ³	116,0	490,6	191,2	60,6	53,7
Производство пиломатериалов, млн/м ³	18,6	110,4	65,1	11,4	15,1
Производство бумаги и картона, млн/т	3,9	75,8	21,2	9,9	12,7

Диаграмма 1

Что же касается менее освоенной территории страны, то забывают, что согласно данным учета Лесного фонда России за 1999 год низкобонитетные леса (V бонитет и ниже) занимают в среднем около 50 % всей покрытой лесом площади, при этом значительная их часть (до 40 %) произрастает на вечной мерзлоте и практически непригодна для промышленного освоения. Экономически эффективное лесное хозяйство занимает только около 55 % территории лесов, находящихся в ведении Рослесхоза. Реально в хозяйственное использование в России вовлечено от 170 до 250 млн га из 719 млн га, покрытых лесом, т. е. только 25–35 % лесов (меньшая оценка очевидно ближе к реальности). Кроме того, значительная часть ресурсов вторичных лесов с высокой долей перестойных осины и березы в настоящий момент исключена из активного лесопользования, поскольку переработка лиственной древесины внутри страны развита слабо.

Лесное хозяйство: последствия марша на Восток

То, что Российская лесная служба нуждается в срочном и глубоком реформировании, было очевидно и до 17 мая 2000 года, т. е. до указа президента об изменении структуры правительства России. Ситуация, когда расходы на содержание Рослесхоза и ведение лесного хозяйства превышали поступления в консолидированный бюджет страны (как это было в середине 90-х годов), при том что лесная отрасль потенциально могла бы стать одним из двигателей устойчивого развития ее экономики, не могла сохраняться долго.

Известно, что размер расчетной лесосеки определяется исходя из объема биологической продукции древесины. Однако на практике эти показатели всегда завышались, для того чтобы обеспечить или скрыть экстенсивный характер лесопользования. Благодаря этому устойчивые уровни заготовок массивов первобытной тайги были гарантированы леспромпхозам только на 20–30 лет, тогда как реальный оборот рубки превышает эти сроки минимум в 2–4 раза. Так, например, в Карелии расчетная лесосека рассчитывалась для периода ротации в 60 лет, а ее реальный ротационный период составляет около 120 лет (Nilsson, Shvidenko, 1998). Методы оценки годичной расчетной лесосеки при этом не соответствовали ни экологическим, ни экономическим показателям устойчивого лесопользования и фактически были подогнаны под истощительное пионерное освоение. Такое положение сохранилось до сих пор: лесной сектор развивается по экстенсивному пути, причем отсутствие экологической и экономической устойчивости лесопользования изначально заложено в модель развития отрасли. В результате многие лесозаготовители испытывают недостаток лесосырьевой базы, которая по документам формально должна обеспечивать их

на ключевом мифе, в добровольном плену которого находятся многие управленцы лесного хозяйства. Это миф о низкой доле использования расчетной лесосеки как индикатора «недоиспользования» лесных ресурсов России. Опасно, что он настойчиво выдается за реальность и внушается руководителям страны и ее регионов.

Россия действительно обладает исключительно богатыми лесными ресурсами, которые, однако, крайне неэффективно используются (табл. 1)¹.

Сравнивая показатели интенсивности лесного хозяйства России, Швеции и Финляндии, многие отраслевые специалисты делают вывод — рубить нужно больше, вон ведь сколько больше леса вырубает в Швеции и Финляндии. И, соответственно, призывают вырубать чудом сохранившиеся девственные леса Северо-Запада России, продолжая и на Северо-Западе, и в Средней Сибири, и на Дальнем Востоке практику так называемого пионерного освоения, забывая при этом, что *в Швеции и Финляндии рубят не девственные леса, которые там практически не сохранились, а специально выращиваемые коммерческие леса*. И вырубается она не в регионах «пионерного освоения», а в староосвоенных районах с развитой инфраструктурой.

Мы убеждены в том, что *показатель использования расчетной лесосеки снижается у нас отнюдь не по причине недоиспользования лесных ресурсов. Это прямое свидетельство фактического истощения экономически эффективного лесного фонда и глубочайшего кризиса существовавшей в течение всего советского времени экстенсивной модели использования природных богатств*. Традиционное «пионерное освоение» лесов привело к тому, что лесные ресурсы России в течение прошлого столетия были в экономическом смысле существенно подорваны и расстроены. Не случаен прозвучавший во время парламентских слушаний призыв снять природоохранные ограничения на рубки хвойных насаждений в Московской области — в экономически доступных лесах уже мало что осталось. Ссылки при этом на пожары лета 2002 года оказываются мало относящимися к сути проблемы — горели олиготрофные торфяники, осушенные вопреки протестам природоохранных организаций в 70–80-е годы, на которых никакая «еловая кубатура» в действительности не прирастает.

Таким образом, на сегодняшний день все более-менее экономически ценные и значимые ресурсы хвойных пород на европейской части территории страны в значительной степени подорваны и расстроены. Не случаен прозвучавший во время парламентских слушаний призыв снять природоохранные ограничения на рубки хвойных насаждений в Московской области — в экономически доступных лесах уже мало что осталось. Ссылки при этом на пожары лета 2002 года оказываются мало относящимися к сути проблемы — горели олиготрофные торфяники, осушенные вопреки протестам природоохранных организаций в 70–80-е годы, на которых никакая «еловая кубатура» в действительности не прирастает.

Формальное увеличение площади лесного фонда не свидетельствует о снижении остроты природоохранных проблем или о существенном увеличении так называемой расчетной лесосеки. Это следствие непрерывного зарастания в течение последних 40–44 лет заброшенных сельскохозяйственных угодий в зонах «экономического вакуума», где малая плотность населения и низкая экономическая эффективность сельского хозяйства привели к «сжатию экономически эффективного» пространства (это наглядно видно на диаграмме 1). В последние годы данная тенденция еще больше усилилась, поскольку в местах наибольшей и самой ранней депопуляции сельского населения возраст лиственных древостоев приблизился к 40-летнему и начался закономерный процесс вторичных сукцессий, в ходе которого ель выходит в первый ярус насаждений.

¹ См. монографическое исследование «Лесопромышленный комплекс. Состояние, проблемы, перспективы» (Н. А. Бурдин и др. М., 2000).

бесперебойное функционирование, а руководители отрасли рапортуют руководству страны о перспективах увеличения лесопользования в 3–4 раза за счет развития традиционных экстенсивных способов и требуют инвестиций в прокладку новых лесовозных дорог.

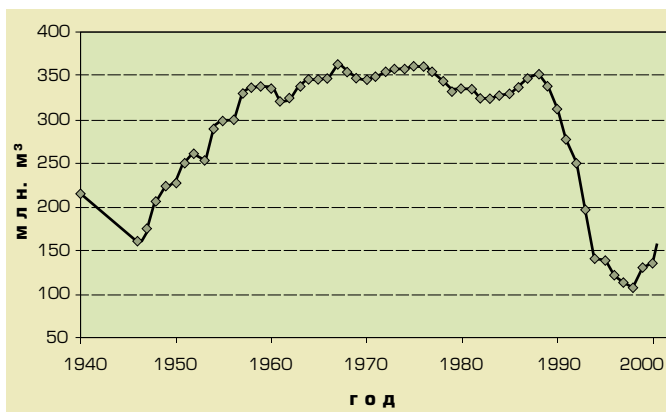
Однако *предложения данного рода — это путь в никуда*. Фронт пионерного освоения нетронутых лесов за последние 70 лет все более отдален от крупных промышленных центров с развитой инфраструктурой. Это не позволяет концентрировать инвестиции, направляя их на организацию более глубокой и экономически эффективной переработки продукции в традиционных староосвоенных районах и формируя там интенсивное лесное хозяйство. Огромные капитальные вложения истрачены на перебазирование лесопользования в многолесные районы нового освоения (Европейский Север, Сибирь и Дальний Восток). Следствием такой политики явилось отдаление производства от внутреннего и внешнего рынков, расположенных в основном в Европе, что сделало низкоэффективной поставку на них лесопродукции. В реальных рыночных условиях даже искусственное занижение транспортных тарифов не изменит ситуацию к лучшему. Расплатой за эти ошибки и стал тяжелейший структурный кризис в лесном секторе.

Является ли повышение использования расчетной лесосеки заделом для роста отрасли?

Как показывает статистика последних лет, *увеличение производства и рентабельности целлюлозно-бумажной отрасли может происходить даже на фоне существенного снижения вывоза древесины*. Причем сами лесопромышленники хорошо понимают, что если просто резко нарастить экспорт «кругляка», то это лишь «обвалит» мировой рынок, а поставленная цель не будет достигнута. Мировой опыт свидетельствует, что лесной бизнес высокоэффективен лишь при наличии комплексной переработки сырья.

Максимальный объем лесозаготовок в России — 352 млн м³ — был достигнут в 1988 году (Карпачевский, 2001).

Диаграмма 2

Поскольку статистика оперировала традиционными для экономики того времени показателями — объемами производства продукции в натуральном выражении, то есть все основания полагать, что рекордные достижения заготовителей по крайней мере частично являются результатом приписок, а значительная часть срубленной древесины была просто брошена на лесосеках. *Тем не менее, даже без этих оговорок максимальное использование расчетной лесосеки никогда не превышало 54,1 %* (для справки — использование расчетной лесосеки в Республике Карелия в 2000 году составило 68,5 %).

Возникает закономерный вопрос: почему никогда, даже в период максимальных заготовок древесины, пришедший на 1960–1970-е годы, объем использования расчетной лесосеки не превышал 55 %? Этому факту может быть дано несколько взаимно дополняющих объяснений.

1. Занижение общего объема изъятия древесины. Многие подсчеты (Россия: Лесная политика..., 1997; Карпачевский, 2001 и др.) показывают, что убыль древесины в лесах России в 1980-е годы могла даже превышать расчетную лесосеку, а в 2000 году составляла в действительности около 45–54 %. Можно предположить, что во время рубок в 60–70-х годах прошлого века страна стояла на грани начала обезлесения, а последствия столь существенной убыли древесины компенсировались в основном за счет зарастания сельскохозяйственных угодий лесом.

2. «Поляризация» лесопользования. В условиях, когда экспортная компонента составляет примерно 60 % продукции лесного сектора, из которых около 55 % приходится на древесину и изделия из нее, *в стране активно происходит «поляризация» лесопользования*. В России 33 субъекта Федерации из 89 обеспечивают 98 % ее экспорта леса (каждый экспортирует древесины более чем на 10 млн долларов США), 10 ведущих регионов экспортируют 74 % всей лесной продукции. Наибольшей интенсивностью лесопользования по официальной статистике отличаются регионы, обладающие возможностями прямого экспорта «круглого леса» и изделий из древесины с наименьшим «транспортным» плечом (на северо-западе и западе европейской части России, юге Средней Сибири, в Приморском крае и на Сахалине) и регионы, располагающие наиболее эффективными и дешевыми «транспортными коридорами» для экспорта леса (Иркутская, Кировская, Вологодская, Новгородская, Костромская, Нижегородская области, Удмуртия). Если иметь в виду тот факт, что в Бурятии, Читинской, Амурской областях, Хабаровском крае, Еврейской АО, находящихся в зоне прямого влияния внутреннего рынка Китая (в котором до 2003 года существовал 10-летний мораторий на промышленные рубки леса и суммарная стоимость экспорта продукции лесного сектора которого сопоставима со стоимостью российского), объем нелегального лесопользования (как ориентированного на экспорт, так и самовольного, «внутреннего») составляет 30–50 %, существенно, в 1,5–2 раза, превышая аналогичные показатели по Северо-Западу и Западу России, то соответственно должны быть увеличены и данные интенсивности лесопользования в этих регионах. Учитывая различия в уровне интенсивности нелегального лесопользования в целом по стране (особенно между «внутренними регионами» европейской части России, с одной стороны, и Дальним Востоком, Забайкальем и югом Средней Сибири, с другой), следует признать, что «поляризация» лесопользования становится еще более выраженной. Еще в 1998 году при обследовании 108 лесохозяйственных предприятий в 10 регионах России, где экономически эффективен лесной экспорт, выяснилось, что в каждом из них реальный объем лесозаготовок в среднем на 35 % превышал размеры расчетной лесосеки (Nilsson, Shvidenko, 1998).

Очевидно, что даже развитие инфраструктуры лесопользования (в первую очередь — транспортной), требующее значительных инвестиций (экономическая эффективность которых несравненно ниже, чем при инвестировании переработки) не приведет к существенному увеличению использования расчетной лесосеки. Подавляющая часть лесопокртой площади является и в дальнейшем будет «экономически недоступной» (редкостойные сибирские лиственничники на вечной мерзлоте; низкорослые леса на болотах Западной Сибири, притундровые и пригольцовые леса с малым ежегодным приростом и валовым запасом древесины и т.п.). Интенсивность же использования экономически доступной терри-

Крупные природные массивы девственных бореальных и умеренных лесов должны стать предметом особой заботы

тории, особенно с учетом объемов незаконного лесопользования (которое всегда больше нелегального экспорта), обычно или уже близка к объему расчетной лесосеки, или превышает ее размеры, а сама расчетная лесосека, как правило, рассчитывается по критериям, которые ни экологически, ни экономически не являются устойчивыми.

Есть ли в России место для девственных лесов?

Крупные природные массивы так называемых девственных бореальных и умеренных лесов должны стать предметом особой заботы. Именно в них сохранилась естественная динамика развития, обеспечивающая природное биоразнообразие лесов. Сейчас они нещадно вырубаются якобы в интересах экономического развития страны. На самом деле это не что иное, как продолжение экстенсивной политики лесопользования.

Руководители лесного сектора экономики зачастую представляют дело так, что требования природоохранных организаций по защите экосистем ограничивают экономическое развитие лесных регионов страны. Однако в этом случае возникает целый ряд вопросов, на которые они не могут дать аргументированные ответы:

1. Почему обнищание населения в лесных регионах с максимальным или существенным использованием расчетной лесосеки (Карелия, юг Дальнего Востока и др.) зачастую даже значительнее, чем в регионах с меньшей долей ее освоения?

2. Почему в странах Скандинавии, где интенсивность лесопользования в расчете на гектар примерно в 8 раз выше, чем на Северо-Западе России, высокая эффективность лес-

ного хозяйства достигается за счет его интенсивного ведения на давно освоенных территориях, а не за счет освоения последних старовозрастных и девственных лесов?

3. Чей голос важнее для устойчивого развития России — компаний, бизнес которых экономически эффективен исключительно в пределах 1–2 сотен километров от госграницы России и до новых экспортных пошлин и транспортных тарифов на «круглый» лес, или вертикально интегрированных холдингов, способных реализовывать долгосрочные стратегии развития с учетом современных экологических требований и инвестировать переработку мелколиственной древесины?

Одновременно забывается, что огромное большинство крупных массивов девственных лесов расположено на наиболее удаленных территориях Крайнего Севера европейской части страны, причем 87 % из них обладают очень низким производственным потенциалом (менее чем 1 м³/га в год), а более 56 % имеют промышленные запасы древесины менее чем 100 м³/га и почти никогда не имеют запаса более чем 150 м³/га. Заготовка древесины в таких лесах в Карелии, Республике Коми, Архангельской и Пермской областях не превышает 5 % от общего объема вырубki, а медленное увеличение ее запаса и низкие темпы лесовосстановления делают их малоподходящими для устойчивого лесного хозяйства.

Девственные и старовозрастные леса (по лесохозяйственной терминологии «спелые» и «перестойные») — это не умирающие леса, которые нужно спасать с помощью топора, как у нас принято думать. Хотя показатели ежегодного среднего прироста древесины в таких лесах снижаются, но ее запас на корню еще может увеличиваться. Они играют важную роль в регулировании баланса двуокси углерода, способствуя стабилизации климатической системы Земли. Негативные последствия исключения нетронутых и малона-

рушенных лесов из хозяйственного использования (при создании новых ООПТ, реализации правового статуса лесозащитной категории и т. п.) обычно существенно преувеличиваются.

Судя по выступлению главы российского правительства М. М. Касьянова на Всемирном саммите по устойчивому развитию в Йоганнесбурге, Россия всерьез намерена отстаивать на международной арене концепцию «экосистемных услуг» и поддерживать формирование новых международных финансовых и экономических механизмов сохранения биоразнообразия. С этих позиций девственные бореальные и умеренные леса Северной Евразии являются важнейшим объектом, который может быть использован Россией при их создании и отработке. Более того, изучение нетронутых природных объектов и экологических процессов в девственных лесах имеет реальную экономическую ценность. Об этом свидетельствует опыт ведения экологически устойчивого лесного хозяйства и восстановления природного биоразнообразия в европейских странах.

Отсутствие современной стратегии лесопользования — главное препятствие на пути решения природоохранных проблем

Если взять в качестве ориентира эффективность использования лесного сырья в развитых странах и помножить ее на нашу абстрактную расчетную лесосеку, то мы получим цифру порядка 140 млрд долларов. Совершенно очевидно, что это даже теоретически недостижимый ориентир. Более реальны оценки в 20–30 млрд долларов в год. Однако даже с двукратным увеличением нынешнего экспорта (который составляет около 4,5 млрд долларов) отрасль по своей значимости обгонит всю металлургию (она уже сейчас примерно равна общему экспорту российских вооружений) и станет важной составляющей экономического роста. Но этот результат реален только в случае выбора правильных приоритетов лесной политики. Сами лесопромышленники убеждены, что довести ежегодные продажи леса до 10 млрд долларов можно лишь за счет переработки лесного сырья, а не увеличения продаж круглого леса. Одно лишь наведение элементарного порядка в отрасли и ее минимальное техническое переоснащение позволят России увеличить производство пиломатериалов и целлюлозно-бумажной продукции в 3–5 раз.

Вывод очевиден. В настоящее время экстенсивная модель лесопользования в России исчерпала себя. Необходимость устойчивого интенсивного лесопользования (модель «Псковского модельного леса» Всемирного фонда дикой природы России) признают многие отечественные отраслевые экономисты (А. П. Петров и др.). Фактически возможности экстенсивного развития лесопользования были исчерпаны, очевидно, еще в конце 40-х годов прошлого века и *последующие 50–60 лет такого ведения хозяйства, как мы уже отмечаем, привели к современному кризису в лесопользовании.*

Причина, по которой люди в лесных поселках лишаются работы и вынуждены «ждать», конечно, не в том, что мелколиственные породы слишком медленно замещаются елью. Настоящая причина, как справедливо отмечает С. В. Починков, в том, что ранее был неверно спланирован и завышен объем вырубki, а реальная экономическая эффективность лесохозяйственных мероприятий, в том числе направленных на то, чтобы «ускорить поспевание ели» не просчитывалась.

При реализации интенсивной модели лесопользования на ландшафтной основе возникают трудности, связанные не только с отсутствием спроса на мелколиственную и мелкостварную древесину со стороны технически слабо оснащенной отечественной лесной промышленности. Они обусловлены тем, что сама нормативная база лесного хозяйства до сих пор ориентирована на экстенсивный, пионерный способ получения древесины и не способствует выполнению задач повышения качества и продуктивности лесов. В результате на большей части европейской территории страны отмечается ухудшение качества древостоев, падение продуктивности и истощение лесных ресурсов. Еще раз подчеркнем, что приостановить эти процессы может только переход на экологически устойчивое интенсивное лесное хозяйство вне охраняемых территорий и массивов нетронутых и малонарушенных лесов.

Как показывает опыт прошлого, даже при наличии свободных «нефтедолларов» инвестирование в экстенсивный путь экономического развития не приносит должного эф-

© WWF России

Один из модельных участков проекта WWF «Псковский модельный лес»

фекта и часто только усугубляет кризисное состояние экономики. Тем более невозможно при ограниченном инвестиционном ресурсе реализовать программу А. С. Белякова — одновременно построить 20 современных ЦБК (а это 20 миллиардов долларов!) и удвоить лесозаготовку в 2 раза. Следует выбрать что-то одно, экономически наиболее эффективное, тем более что все прямые иностранные инвестиции в экономику России составляют менее 10 миллиардов долларов в год¹.

¹ По данным Financial Times (Martin Wolf, 5.11.2003, цит. по «Ведомости», 12 ноября 2003), совокупный объем прямых иностранных инвестиций в Россию к 2002 году составил лишь 23 млрд долларов (для сравнения — в Польше он достиг 45 млрд долларов, в Китае — 448 млрд).

Практическим результатом советских инвестиций в увеличение пространственной экспансии лесозаготовок стало катастрофическое падение общих заготовок древесины и фактический кризис отрасли, а с учетом современной «поляризации» лесопользования подобная инвестиционная политика будет еще менее эффективна. Современная целлюлозно-бумажная промышленность, хотя и отличается необычайно высокими темпами роста, но при этом требует срочных инвестиций в модернизацию производства даже самых успешных и эффективно действующих ЦБК России. Переход к экологически устойчивой интенсивной модели лесопользования тормозится отсутствием продуманной *государственной лесной политики* и необходимой правовой базы, в первую очередь обеспечивающей формирование механизмов долгосрочной аренды лесного фонда. В ближайшем будущем необходимо привести систему управления лесами в соответствие с теми функциями, которые они выполняют. Это предполагает разделение лесов на основе комплексной оценки:

- на коммерческие эксплуатационные леса («Псковский модельный лес» WWF), которые в перспективе будут занимать 10–30 % лесных земель России и обеспечивать основной доход от эксплуатации леса как возобновимого природного ресурса;
- на многоцелевые (мелкотоварные) леса, эксплуатируемые в основном в интересах местного населения и потребления внутри региона (около 50 %);
- на леса высокой природоохранной ценности, рекреационные леса и особо охраняемые территории, составляющие «лесное ядро» регионального экологического каркаса — экосетей (20–40 %).

Управление коммерческими эксплуатационными лесами должно обеспечивать возможность стабильного получения прибыли от их использования с помощью механизмов конкурсной долгосрочной аренды и концессий. Задача государства — сформулировать правила ведения лесного хозяйства на территории эксплуатационных лесов и передать функции по их управлению лесопользователям. Наиболее сложная проблема на пути ее решения — обеспечить условия, при которых лесные ресурсы предоставляются наиболее ответственным пользователям, честно и эффективно ведущим свой бизнес с соблюдением международных принципов и стандартов устойчивого управления лесами и в то же время всегда открытым для независимой проверки третьей стороной (аудит и добровольная сертификация).

Управление многоцелевыми лесами должно быть направлено на удовлетворение нужд местного населения в древесине (сельское строительство, дрова и т. п.), использование различных недревесных ресурсов, улучшение их привлекательности и создание условий для оказания социальных услуг от рекреации, экотуризма и др.

Леса высокой природоохранной ценности и особо охраняемые природные территории благодаря своему естественному видовому составу и ненарушенности сохранили природную динамику развития. Их основное назначение — быть одним из элементов регионального экологического каркаса и обеспечить сохранение способности к самовосстановлению всех типов лесных экосистем региона. Поэтому управление ими должно быть ориентировано на усиление их экологических и охранных функций, *недопустимо рассматривать их только как леса, вынужденно выведенные из пользования*. Последнее не исключает традиционного использования природоохранных лесов местным населением и коренными народами, когда это согласуется с официальным режимом территории.

Всю систему управления следует изменить, поставив во главу угла целевое назначение лесов, перераспределить (на основе соответствующих нормативных документов) между

государством, субъектами и лесопользователями полномочия по управлению ими и ответственность. Есть все основания полагать, что в этом случае количество и напряженность конфликтов при решении проблем экономического развития лесного сектора России и охраны природного биологического разнообразия сведется к минимуму. Появится возможность избежать новых крупных затяжных конфликтов, таких, например, как споры вокруг «Зеленого пояса Фенноскандии». Если в законодательном порядке в каждом регионе будет создано (сформировано) «лесное ядро» экологического каркаса, отпадет необходимость в некоторых существующих сейчас нормативных требованиях к лесопользованию в коммерческих эксплуатационных лесах.

В настоящее время практически все крупные природоохранные организации, занимающиеся охраной лесов высокой природоохранной ценности (Всемирный фонд дикой природы (WWF) России, Гринпис России, Центр охраны дикой природы, Социально-Экологический Союз), ведут диалог с крупнейшими отечественными лесопромышленными компаниями. Сформированная при их активном участии Национальная рабочая группа по добровольной лесной сертификации (FSC) и созданная при поддержке WWF России «Ассоциация экологически ответственных лесопромышленников России» являются действующими «переговорными площадками». Те, кто занимается сегодня лесным бизнесом, уже пришли к пониманию необходимости большей прозрачности и цивилизованности отношений в лесном секторе, а соблюдение природоохранных требований рассматривается сейчас как одно из условий успеха на рынке.

Более 50 лет назад было принято пролоббированное руководителями лесной отрасли решение о существенном сокращении сети государственных заповедников. Сегодняшние попытки сохранить «кубатурное» мышление образца 1951 года в условиях глубочайшего кризиса лесной отрасли по меньшей мере выглядят фарсом, а по существу губительны для экономики страны. Мы готовы передать и распространить наш опыт управления модельными лесами, организации контрольно-инспекционной деятельности, подготовки инспекторов, борьбы с нелегальными рубками, развития добровольной лесной сертификации и выделения лесов высокой природоохранной ценности, совместно работать над необходимыми экономическими реформами и совершенствованием правовой и нормативной базы. Необходимо только понимание и желание тех, кто управляет сегодня лесной отраслью. Нужен серьезный шаг в этом направлении — отказ от устаревшего мифа «недоиспользуемой расчетной лесосеки». Не нужно обманывать руководство страны и регионов. Но в первую очередь не нужно обманывать самих себя.

ЛИТЕРАТУРА

- Беляков А. С. Акции на сто рублей, претензий — на миллиард // Известия. 2002. 5 авг.
- Лесопромышленный комплекс. Состояние, проблемы, перспективы / Н. А. Бурдин, В. М. Шлыков, В. А. Егорнов, В. В. Саханов. М., 2000.
- Карпачевский М. Л. Хозяйства российских лесов / Центр охраны дикой природы. М., 2001.
- Петров А. П. Раздел III. Макроэкономическая/секторальная политика и лесное хозяйство // Лесная политика Российской Федерации: баланс экономических и экологических целей в развитии лесного хозяйства / С. Н. Бобылев, М. Ю. Ксенофонтов, Р. А. Перелет, А. П. Петров. М., 2003.
- Макроэкономика и окружающая среда / Всемирный фонд дикой природы. М., 2003.
- Писаренко А. И., Страхов В. В. О лесной политике России М., 2001.
- Починков С. В. Экономические проблемы устойчивого лесопользования в Республике Коми (на примере Прилузского района). Сыктывкар. (Рукопись). Россия: лесная политика в переходный период. Вашингтон (округ Колумбия) Всемирный банк, 1997.
- Черняховский Д. А. Российское сельское хозяйство — возможен ли устойчивый путь? М., 2001.
- Aksenov D., Karpachevskiy M., Lloyd S., Yaroshenko A. The last of the last: The old-growth forests of boreal Europe, 1999. Jokkmokk: Taiga Rescue Network.
- Nilsson S., Shvidenko A. Is Sustainable Development of the Russian Forest Sector Possible? IUFRO Occasional Paper, 1998. No. 11.